

→ ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ →

Júlio RIBEIRO

A CARNE

ПЛОТЬ

Жулио РИБЕЙРУ

Жулиу Рибейру Плоть

Текст предоставлен Институтом соитологии
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166598
Жулиу Рибейру Плоть: Институт соитологии; Москва; 2007
ISBN 978-5-9637-0012-9
Оригинал: Julio Ribeiro, "A carne"
Перевод:
Андрей Родосский

Аннотация

Яркими и сочными красками выписаны в романе не только живописная природа Бразилии и быт ее жителей, но и страсти, бушующие в сердцах бразильянки Лениды и ее любовника Барбозы.

Точное и пронзительно откровенное перо Жулиу Рибейру создало чрезвычайно живые и чувственные образы героев, их внутреннего мира и переживаний; он предвосхитил своим романом и теорию Фрейда о сексуальной мотивации человеческого поведения, и уже знакомые русскому читателю волнующие образы другого великого бразильского писателя Жоржи Амаду, такие как донна Флор, Гуляка, Габриэла и др.

Роман на русском языке публикуется впервые.

Содержание

Жулиу Рибейру, его время и его роман	4
Плоть	6
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	18
Глава VI	22
Глава VII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Жулиу Рибейру Плоть

Жулиу Рибейру, его время и его роман

Второй и последний роман бразильского писателя Жулиу Рибейру «Плоть» (1888) вызвал ожесточенную полемику тотчас после выхода в свет, да и теперь остается предметом острых споров.

Жулиу Сезар Рибейру Воэн, сын американца и бразильянки, родился в городе Сабара, провинция (ныне штат) Минас-Жерайс, 10 апреля 1845 года. Окончив школу, он отправился в Рио-де-Жанейро и поступил в военное училище. Отучившись три года, он перебрался в Сан-Паулу и решил заняться педагогикой. Интенсивно занимаясь самообразованием, Жулиу Рибейру самостоятельно изучил латинский, греческий, французский, английский, испанский и итальянский языки. Впоследствии он устроился преподавателем латинского языка на юридический факультет университета Сан-Паулу. В это время Жулиу Рибейру стяжал известность как журналист, основатель и редактор ряда газет аболиционистского и республиканского направления – и волей-неволей способствовал тому, что вместо либеральной конституционной монархии в Бразилии надолго воцарился диктаторский республиканский режим, демократизация которого началась почти одновременно с нашей российской «перестройкой».

Кроме того, Жулиу Рибейру написал несколько сочинений по лингвистике и «Граматику португальского языка», которую высоко оценил видный португальский литератор и политический деятель Теофилу Брага.

Недолгий жизненный путь Жулиу Рибейру завершился 1 ноября 1890 года. Смерть наступила от легочного туберкулеза.

Перу Жулиу Рибейру принадлежат всего два романа. Главный герой первого из них, «Падре Белшиор ди Понтес» (1867—1868), – личность реально существовавшая. Это был иезуит, проповедовавший слово Божие бразильским индейцам в XVIII веке. Роман этот, написанный в традициях романтической исторической прозы, но с заметными реалистическими тенденциями, отличается острым антиклерикализмом и критикой иезуитского ордена – может быть, даже излишне суровой. Хотя в нашей стране само слово иезуит стало ругательным, не будем забывать, что в Западной Европе последователи Игнасио Лойолы немало потрудились на ниве просвещения – иезуитские коллегии давали хорошее и престижное образование, – а в заморских владениях Испании и Португалии они стремились облегчить участь коренного населения, защищая его от произвола колониальных властей.

В принципиально ином, натуралистическом ключе создан роман «Плоть», посвященный Эмилию Золя – «королю натурализма», как назвал его автор. Именно этот роман положил начало натуралистическому направлению в бразильской литературе, поставив Жулиу Рибейру в ряд классиков и навсегда вписав его имя в историю литературы Бразилии.

Натурализм – это сложившееся во Франции конца XIX века художественное направление, противостоящее романтизму и отчасти реализму. Его название образовано от латинского слова *natura*, т.е. природа. По мнению писателей-натуралистов, человек отличается от животного только более высокой и сложной организацией, а законы природы и законы развития общества суть явления одного порядка. Примечательно, что столетием раньше французские просветители тоже призывали людей подражать природе и следовать законам, согласным с законами природы. Но если в XVIII столетии в природе стремились видеть покой, гармонию и совершенство, то для материалистов и позитивистов после появления

теории Дарвина, который неоднократно упоминается на страницах романа, она превратилась в арену беспощадной борьбы за существование, где нет места ни состраданию, ни милосердию. Грубо утилитарное отношение к природе отражено в многочисленных сценах охоты, когда главные герои романа «Плоть» Ленига и Барбоза безжалостно убивают диких животных.

Одна из характернейших черт натурализма – фетишизация науки, особенно физиологии. И герой, и героиня книги Рибейру страстно увлечены научными занятиями, но оказывается, что впрок им наука не пошла. Говоря словами Лермонтова, они иссушили ум наукою бесплодной. Самодовлеющую науку, оторванную от нравственности и гуманизма, в свое время хлестко высмеял и Свифт в третьей части «Путешествий Гулливера».

Преуспев в научных занятиях, Ленига становится женщиной-педантом, вообразившей, будто никто из мужчин не достоин ее, и потому зарекшейся выходить замуж. В этом, по убеждению Жулиу Рибейру, ее главная ошибка, ибо природа жестоко мстит тому, кто нарушает ее законы. На этой почве у Лениги начинается сильная истерия, толкающая героиню на неадекватные поступки (симптомы болезни подробно описаны в романе). Здесь писатель предвосхищает теорию Фрейда, который объяснял всевозможные психические отклонения сексуальной неудовлетворенностью.

Все круто меняется, когда в жизнь Лениги нежданно вторгается любовь. Верный натуралистическим принципам, Жулиу Рибейру стремится представить любовные переживания как некую «надстройку» над физиологическими процессами. И все же сложные, противоречивые, богатые чувства героини и ответившего ей взаимностью героя проникнуты высокой поэзией, тонкой наблюдательностью и углубленным психологизмом. Безусловно, это лучшие страницы романа, которые вряд ли оставят равнодушным читателя. Трагический финал усиливает, усугубляет впечатление от этих страниц.

Выразительно изображен быт черных невольников на фазенде (это слово успело прочно войти в русский язык благодаря показу фильма «Рабыня Изаура»). Не оправдывая рабства, автор никоим образом не идеализирует и рабов, в отличие от некоторых других писателей-аболиционистов. Напротив, он предельно жестко показывает, как низко может пасть человек, живущий вне свободы и не имеющий внутреннего духовного стержня.

И, наконец, необычайной живописностью отличаются описания дикой природы Бразилии.

Все это делает роман «Плоть» увлекательным и интересным для современного русского читателя, открывая ему имя классика бразильской литературы, недоступного для России по понятным причинам больше века.

Андрей Родосский

Плоть

Королю натурализма Эмилю Золя

*Моим друзьям:
Луису ди Маттус,
М.де Биттанкур
Ж.В. ди Алмейде
и Жоакину Элиасу*

Замечательному физиологу доктору Миранде Азеведу

*O.D.C.
Julio Ribeiro*

Г-ну Эмилю Золя

Не дерзаю идти по Вашим стопам; я лишь осмеливаюсь, следуя Вашему примеру, написать скромный этюд в духе натурализма. Вам невозможно подражать – Вами можно только восхищаться.

«Мы оживаем,– говорит Овидий,– когда действует бог, обитающий в нас». Что ж! Под воздействием крохотного божка, обитающего во мне, написал я «Плоть».

Это не «Западня», не «Проступок аббата Муре», не «Земля» – но, черт побери! Свеча – не солнце, но и она светит.

Как бы то ни было, вот мое сочинение.

Понравится ли Вам мое посвящение? Почему бы нет! Ведь и короли, утопающие в богатстве, не гнушаются жалкими подношениями бедных крестьян.

Позвольте Вашему всепокорнейшему слуге выразить совершеннейшее почтение словами флорентийского поэта:

Tu duce, tu signore, tu maestro¹.

Сан-Паулу, 25 января 1888 Жулиу Рибейру

¹ Ты предводитель, ты повелитель, ты учитель (ит.) – цитата из 1-й песни «Божественной комедии» Данте.

Глава I

Доктор Лопес Матозу был не из тех, кого можно было бы назвать счастливым. На девятнадцатом году жизни, едва отучившись, он потерял отца, а через несколько месяцев – и мать. Опекуну ему стал друг семьи полковник Барбоза, убедивший его продолжить учиться на юриста.

На другой день после выпуска честный опекун передал Лопесу Матозу доставшееся ему от родителей немалое состояние и сказал:

– Вот ты и богат, мой мальчик! У тебя есть профессия, перед тобой открывается блестящее будущее. Теперь хорошо бы тебе жениться, завести детей, добиться положения в обществе. Будь у меня дочь, она стала бы твоей невестой, а так придется тебе искать самому.

Лопес Матозу искал недолго и вскоре женился на кузине, которая давно ему нравилась и с которой он счастливо прожил два года. На третьем же году совместной жизни супруга умерла от тяжелых родов, оставив ему малютку-дочь.

Для Лопеса Матозу это был тяжелый удар, но, будучи сильным человеком, он не сдался и мужественно принял новую реальность, навязанную брутальной беспристрастностью природы.

Дела Матозу складывались благополучно, поэтому он переехал в загородный дом, где, удалившись от всего света, делил свое время между чтением серьезных книг и заботами о дочери. Та же, благодаря опытности приставленной к ней няни, росла здоровой и крепкой, внося радостную нотку в затворническую жизнь отца. Знакомые посещали его редко, да он и не приветствовал визиты, ибо никогда не отличался особой общительностью.

Чтение, письмо, грамматика, арифметика, алгебра, геометрия, география, история, французский, испанский, плавание, верховая езда, гимнастика, музыка – всем этим Лопес Матозу занимался с дочкой, поскольку сам во всем этом преуспел. Он читал с ней португальских классиков, лучших зарубежных авторов и все, что было наиболее ценным в современной литературе.

К четырнадцати годам Елена, или Ленита, как ее называли, стала развитой, сильной девушкой с сформировавшимся характером и прекрасным образованием.

Лопес Матозу понял, что пришло время менять их образ жизни, и они вернулись в город.

У Ленины в ту пору были лучшие учителя по всем предметам; она овладела итальянским, немецким, английским, латинским и греческим языками; основательно изучила математику и физику; да и общественные науки тоже не остались ей чуждыми. Все давалось ей легко, ничто не казалось недостижимым при ее незаурядных способностях.

Ленита начала появляться в обществе, где на нее вскоре обратили внимание.

В ней не было ни капли высокомерия, и она не производила впечатления *bas bleu*²: скромная и сдержанная, тем не менее, она умела окружить себя аурой обаяния на балах и раутах, которые нередко посещала, при этом ничем не выказывая своего значительного превосходства. Правда, когда однажды один свежее испеченный бакалавр, только что прибывший то ли из Парижа, то ли из Нью-Йорка, попытался в ее присутствии представить себя эдаким философом-провидцем, то нужно было ее видеть! Изобразив искренность, она с благожелательной улыбкой опутала зануду такой сетью коварных вопросов, причем с совершенно невинным видом, что, все больше загоняя его в угол, в конце концов заставила увязнуть в противоречиях, после чего он был вынужден пристыженно умолкнуть.

² Синий чулок (франц.). (Здесь и далее прим. перев.)

Брачные предложения поступали одно за другим, но Лопес Матозу тщетно пытался уговорить дочь сделать свой выбор.

– Ни одного из них я не приму, папа, – непреклонно отвечала Ленита. – Извини, что иду тебе наперекор, но ты же знаешь, что замуж мне не хочется.

– Доченька, но и ты же знаешь, что рано или поздно тебе придется все-таки выйти замуж.

– Когда-нибудь, но не теперь.

– Знаешь ли, я, кажется, переусердствовал с твоим воспитанием – дал тебе знаний больше, чем следует. В результате ты поднялась на такую высоту, что оказалась в гордом одиночестве. А ведь женщина создана для мужчины, а мужчина – для женщины. И брак – это необходимость, причем не столько социальная, сколько физиологическая. Неужели тебе не найти мужчину, достойного тебя?

– Не в этом дело, а в том, что мне не хочется замуж.

– Даже за нормального мужчину?

– Даже и за нормального. А выдающиеся мужчины вообще плохие мужья. К тому же такие мужчины почти всегда выбирают женщин ниже себя. Кстати, раз ты считаешь меня необыкновенной женщиной, то мне тоже ничего не останется, как удовлетвориться мужем, которого бы я превосходила.

– А если дети тоже недалекими родятся?

– Дети пойдут в меня: ученые утверждают, что талант и гений обычно наследуют от матери.

– А от отца?

– От отца тоже, а то в кого же я такая?

– Ты мне льстишь!

– Это ты мне льстишь, папа, ты ведь столько сделал для моего образования, что мне в пору самой собой восхищаться. А что до замужества, то давай не будем больше о нем говорить.

И они действительно больше не возвращались к этой теме. Лопес Матозу с грустью отказывал претендентам: мол, дочь замуж не собирается, она вообще не такая, как все, он-де пытался ее уговорить, да все без толку... И прибегал к тысяче уловок, чтобы смягчить свой отказ.

Так и прожила Ленита до двадцати двух лет, когда однажды Лопес Матозу вдруг пожаловался на плохое самочувствие и сильнейшую боль в груди. У него начался приступ кашля, и он умер, даже не успев послать за врачом. Причиной смерти оказалось воспаление легких.

Ленита едва не обезумела от горя. Неожиданность случившегося, внезапная и ужасная пустота, образовавшаяся вокруг нее, гордость, не допускавшая пошлых утешений, – все это только усиливало страдания. Целыми днями несчастная девушка не выходила из комнаты, никого не принимала, ела какие-то крохи, да и то по настоянию прислуги.

Но вскоре Ленита сумела взять себя в руки. Бледная, одетая в траур, она появлялась у друзей отца, принимала обычные в таких случаях навязчивые соболезнования, изо всех сил пыталась приноровиться к предстоящему одиночеству, к безрадостной жизни, лишенной привязанностей, полной горестных воспоминаний. Она постаралась устроить должным образом домашние дела и написала полковнику Барбозе, что хотела бы на какое-то время приехать к нему на фазенду.

Домашние дела особой трудности не представляли: состояние Лопеса Матозу было почти полностью вложено в ценные бумаги и железнодорожные акции. А поскольку Ленита была единственной наследницей, то никаких судебных проволочек и хлопот не последовало.

Ответ полковника Барбозы не заставил себя ждать. Он написал, чтобы она как можно скорей приезжала, что его старушка-жена, разбитая параличом, безумно обрадовалась,

услышав, что при ней будет девушка, новая компаньонка. С ними, правда, жил еще их единственный сын, но это был уже зрелый мужчина, женатый, хотя и давно разъехавшийся с женой, заядлый охотник, чудака, ушедший в себя и в свои книги. Поэтому пусть она не медлит со сборами и сообщит день, когда нужно будет ее встретить.

Через неделю Ленита уже была на фазенде старого опекуна ее отца. С собой она привезла фортепьяно, несколько бронзовых статуэток и изящных безделушек и, конечно же, множество книг.

Глава II

С первых же дней на фазенде одиночество Ленины оказалось еще более гнетущим, чем в городе. Восьмидесятилетняя старушка была не только разбита параличом, но еще и почти глухая. Полковник Барбоза, чуть помоложе жены, страдал ревматизмом и, случалось, сутками не вставал с постели. Их разведенный сын месяцами пропадал в Паранапанеме на охоте.

Работами на фазенде руководил управляющий-метис, сын индианки и белого – человек приветливый, но проявлявший полнейшее невежество во всем, что не касалось сельского хозяйства.

Ленина почти всегда обедала одна на огромном балконе. После обеда или ужина она шла поговорить с полковником, делая невероятные усилия, чтобы ее слышала и старушка, которая со смущенным смешком подносила ладонь к ушной раковине, пытаясь уловить хоть что-то из сказанного.

Такое времяпрепровождение очень утомляло девушку, и вскоре она уходила в свои комнаты, чтобы отвлечься чтением. Но едва взяв книгу, она откладывала ее; взяв другую, бросала и эту, сосредоточиться на тексте ей не удавалось – ее мучили воспоминания об отце, поскольку все напоминало о нем: то строчка, отчеркнутая в книге ногтем, то заложенные страницы... И она снова шла поговорить, потом опять возвращалась, и снова шла, терпя адские муки.

Жена управляющего, отзывчивая по натуре, получила от хозяина особые распоряжения касательно Ленины. В любой момент у нее в распоряжении были горячее молоко, прохладительные напитки, кофе, сласти, фрукты. Ленина то отказывалась, то принимала – но только чтобы не огорчать добрую женщину.

Полковник Барбоза предоставил Ленине отдельную гостиную и просторную спальню с двумя окнами и альковом; к ее услугам были расторопная мулатка, носившая высокий линялый тюрбан, и белозубый, смешливый метис.

Иногда Ленина часами сидела у окна, наблюдая за происходящим на фазенде.

Фазенда примыкала к холму, по склону которого струился ручей. Впереди простиралось огромное пастбище. Однообразие светлой зелени то тут, то там нарушалось плотной темной зеленью чесночных деревьев, оставленных, вероятно, для тени, и грязновато-желтыми колосющимися злаками. Вдалеке, по одну сторону, резко начинался девственный лес – темный, густой, почти непроходимый, соединяющий в одном цвете множество разнообразнейших оттенков; с другой стороны на невысоких холмах ветер то и дело колыхал радостный ярко-зеленый тростник. Еще дальше тянулись ровные, аккуратные кофейные плантации, напоминающие ворсистый черно-зеленый ковер. Кое-где пятно оголенного краснозема напоминало цветом запекшуюся кровь. И над всем этим раскинулось лазурное, прозрачное, чистое, атласное небо в блеске белых, живых, пронзительных лучей...

В пасмурную погоду пейзаж менялся: почерневшее небо, набрякшее свинцовыми тучами, как будто опускалось, желая затопить землю. Зеленая теряла блеск, тускнела, мертвела в безжизненной влаге.

Ленина пыталась выбираться на прогулки по окрестностям – то пешком, вместе с мулаткой, то верхом, в сопровождении паренюка-метиса. Но ни подвижный образ жизни, ни чистый воздух, ни свобода деревенской жизни – ничто не шло ей на пользу. Возрастающая вялость, упадок сил, почти полная прострация овладевали всем ее существом. Читать ей не хотелось, фортепьяно безмолвствовало. Казалось, что со смертью отца переменялось все ее естество – она была уже не столь сильной и мужественной, как прежде. Ее терзали страхи, она боялась одиночества.

Она шла в комнату к парализованной хозяйке, устраивалась в кресле и оставалась там часами, едва отвечая на тревожные расспросы полковника.

Когда она возвращалась в свои покои, по дороге ее охватывал необъяснимый страх, и с дрожью она хватала за руку мулатку.

Она перестала есть, пища внушала ей отвращение, но иногда ей хотелось чего-нибудь соленого или острого. У нее начались обильные слюнотечения, то и дело ее рвало желчью. И однажды утром ей было уже не встать с постели.

Полковник с женой управляющего поспешили на помощь. Окружив постель больной, они пытались напоить Ленину чаем с лимонной мятой и дать какое-нибудь домашнее средство, покуда не придет врач, за которым немедленно отправили.

Когда врач приехал, Ленина была в беспомощнейшем состоянии: изнуренная, бледная, с кругами под глазами. То и дело хватаясь за грудь, она хрипела и задыхалась. Словно ком поднялся у нее от желудка к горлу и не давал дышать. В левой части головы она ощущала сильную непрерывную, мучительную боль, точно ей загнали туда раскаленный гвоздь. Нервная система у нее была распатана донельзя – малейший шум или полоска света из открытой двери исторгали у нее стоны.

Доктор Гимараэс, уже пожилой врач с умным и добрым лицом, приблизился к постели, осмотрел больную, не спеша, не проронив ни слова, не измеряя пульса, чтобы ничем ее не беспокоить, сложил руки за спиной и низко наклонился, чтобы прослушать ее дыхание и всхлипы, а также посмотреть сокращения ее лицевых мускулов.

– Когда это началось, полковник? – спросил он.

– Она приехала уже больной, но так худо ей стало только сегодня.

– Задыхаюсь! Помогите! – внезапно крикнула Ленина, перевернулась, забилась в судорогах и стала обеими руками рвать на себе рубашку и царапать грудь. Густой румянец внезапно залил ей лицо, глаза лихорадочно блестели.

– Я знаю, в чем дело, – произнес врач. – Есть у меня тут кое-что. Сейчас вернусь.

И он вышел.

Через несколько минут он возвратился со шприцем в руках.

– Подставьте плечо, сеньора. Я сделаю вам укол. Скоро все пройдет – вот увидите.

Ленина с трудом вытянула голую руку. Доктор принялся медленно ее пощипывать на уровне бицепса и, зажав небольшой участок между большим и указательными пальцами, вонзил под кожу иглу и, надавливая на поршень, впрыснул содержимое. Ленина, при всей своей нынешней нервозности и раздражительности, даже ничего не почувствовала.

Эффект не заставил себя долго ждать. Через некоторое время с ее щек сошел нездоровый румянец, прекратились нервные судороги рук и ног, глаза закрылись, из груди вырвался вздох облегчения.

Она заснула.

– Пусть она выспится, – молвил врач. – Когда проснется, ей полегчает. Но я пропишу ей еще и бромистый калий – не помешает.

Все на цыпочках вышли. С Лениной осталась только жена управляющего.

Глава III

Прогноз врача подтвердился. После продолжительного сна Ленита проснулась посвежевшей, с успокоившимися нервами и расслабленными мышцами. Однако она чувствовала себя разбитой, вялой, жаловалась на головные боли и сильную усталость.

Двое суток провела она в постели и лишь на третий встала.

Аппетит потихоньку возвращался к ней, она начала регулярно и с удовольствием есть. Можно было сказать, что она оправляется от удара, вызванного смертью отца. Ленита вдруг стала и чувствовать себя иной – более женственной, что ли. У нее больше не осталось прежних мужских пристрастий – из привезенных книг ее привлекали теперь только самые романтические. Она перечитала «Поля и Виргинию», четвертую книгу «Энеиды» и седьмую «Телемаха». Над плутовским романом «Жизнь Ласарильо с Торреса» она расплакалась.

У нее появилось непреодолимое желание посвятить себя заботам о ком-то – о больном или калеке. Порой она размышляла о том, что если она выйдет замуж, то у нее родятся дети – беспомощные крохотные создания, полностью зависимые от ее ласки, от ее забот, от ее молока. И она признала возможность замужества.

Образ отца понемногу терялся в сумраке горьких, но уже менее мучительных воспоминаний.

Часами она сидела возле парализованной, беседовала с полковником, иногда даже смеялась.

– Вот и хорошо, очень хорошо, – повторял добрый старик. – Не кручинься, доченька. Все когда-нибудь проходит – так уж устроен свет.

Однажды, оставшись одна в гостиной, Ленита ощутила какое-то томление. Она прилегла в гамак и, тихонько покачиваясь, погрузилась в полудрему.

Перед ней, на консоли, среди привезенных ею бронзовых отливок, стояла уменьшенная барбеденновская копия знаменитой статуи, известной под названием «Боец Боргезе», работы Агасия. Угасающий луч закатного солнца, проникнув в щель между ставнями, озарил статуэтку, согрел ее и, казалось, вдохнул жизнь в тусклую бронзу.

Ленита открыла глаза. Ее внимание привлекли мягкие отблески на металле, охваченном светом. Она встала, подошла к столу и пристально посмотрела на статуэтку... Эти руки, эти ноги, эти выпуклые мышцы, эти напряженные сухожилия, эта мужественность, эта стать производили на нее сейчас странное впечатление. Десятки раз любовалась она этим анатомическим чудом и изучала его в мельчайших подробностях, из которых складывалось художественное совершенство, – но сейчас она испытывала то, чего никогда прежде не испытывала. Могучая шея, налитые бицепсы, широкий торс, узкий таз, напряженные мышцы статуэтки – все казалось соответствующим пластическому идеалу, который скрыто всегда пребывал в ее сознании, но пробудился лишь сейчас, во весь голос заявляя о себе.

Ленита не могла пошевелиться, она была пленена, зачарована. Она ощущала себя слабой и упоенно осознавала свою слабость. Ее обуревало стремление к неведомому – неясное, смутное, но настойчивое и острое. Ей представлялось, какое беспредельное наслаждение она бы получила, если бы этот боец бросился на нее, растоптал, избил, разорвал бы ее на кусочки. У нее возникло страстное желание впиться поцелуями в отлитую в бронзе мужскую плоть. Ей хотелось обнять ее и раствориться в ней.

Она залилась краской до корней волос – за один миг, словно в каком-то внезапном озарении, она узнала о самой себе больше, чем за долгие годы изучения физиологии. Ей стало ясно, что она, в общем-то неординарная женщина, несмотря на свой могучий интеллект и на все свои познания, оставалась в каком-то смысле обыкновенной самкой. И то, что она ощущала, было не что иное, как вождление, органическая потребность в самце.

Ее охватили глубокое уныние и непреодолимое отвращение к самой себе. Развивать ум с молодых ногтей, денно и нощно, ежечасно овладевать разнообразнейшими знаниями, приучать мозг неустанно подвергать тщательнейшему анализу труднейшие задачи по высшей математике – и внезапно низвергнуться, словно архангел у Мильтона, с небесной выси в земную грязь, ощутить себя уязвленной жалом плоти, изнывать от похоти, точно невежественная негритянка, точно грязная скотина, точно коза во время течки... Какое падение!

Она сделала невероятное усилие, чтобы разрушить умопомрачительные чары. Шатаясь и опираясь о мебель и стены, она вернулась в спальню, с трудом затворила окна и, не раздеваясь, рухнула на кровать.

Долго она лежала неподвижно.

Тепловатая влага, разливающаяся у нее между бедрами, заставила ее вскочить, преодолевая нахлынувшую сонливость. Резкими, нервными движениями она скинула шаль, быстро расстегнула корсаж, разорвала швы на верхней и нижней юбке и осталась в одной рубашке.

Обширное красное, яркое, переливающееся пятно заливало белизну батиста. Месячное очищение, кровотечение плодовитости было подобно рубиновому соку, брызжущему в давяльне из спелого винограда.

Более сотни раз природа проявлялась в ней подобным образом, но таких ощущений, как в этот раз, у нее никогда не было.

Когда в четырнадцать лет, после тяжелого и утомительного дня это случилось впервые, она обезумела от ужаса, ей казалось, что она смертельно ранена, – и с бесстыдством невинности она, оглашая дом криками, побежала к отцу и все ему рассказала.

Лопес Матозу попытался утешить ее: это, мол, бывает у всех женщин; нужно только побережиться простуды и солнца; а беспокоиться тут нечего, дня через три, самое позднее – через пять, все пройдет; и хотя это будет повторяться каждый месяц, ничего страшного в этом нет.

Со временем она почерпнула множество сведений из книг по физиологии; у Пюсса она вычитала, что менструация связана с изменением эпителия матки, совпадающим с овуляцией, и что сильное кровотечение – это всего лишь последствие этого изменения. Она смирилась и привыкла к этому отправлению организма, как и к любому другому. Наблюдая над собой, она стала отмечать красным карандашом в карманном календарике дни, когда это случалось, – вот и все.

Стемнело. Мулатка пришла звать Ленину на ужин и застала ее в постели, с натянутым на голову одеялом.

Спросив, не больна ли госпожа, и получив утвердительный ответ, мулатка сообщила об этом хозяину. Потом принесла свою постель и подушки и постелила себе на ковре возле кровати Ленины, готовая выполнить любое ее поручение.

Встревоженный полковник поспешил подняться, чтобы справиться о самочувствии Ленины. Но она его успокоила, что ничего страшного, и к утру все пройдет.

– Девочка моя, ты же знаешь, что я теперь тебе вместо отца. Если что понадобится – не стесняйся, посылай за мной в любое время, не бойся потревожить меня. Старушка моя бедная так жалеет, что в параличе лежит и ни на что не годится! Может, тебе чайку с шалфеем принести или глинтвейну налить?

– Спасибо, мне ничего не нужно.

– Ладно, ладно, сейчас оставлю тебя в покое. Спокойной ночи. Постарайся уснуть.

Полковник ушел.

Ленина заснула. Сначала она то и дело просыпалась, тревожно вскрикивая во сне. Потом ею овладела некая истома, не похожая ни на сон, ни на бодрствование. Ей грезилось, что боец Боргезе увеличивается в размерах, достигает человеческого роста, выпрямляется, сходит с постамента, направляется к ее ложу, останавливается рядом с ней, пристально и

страстно ее разглядывает. И Ленита блаженствовала в магнетическом сиянии его взгляда, словно в теплой воде для купания.

Внезапная дрожь прошла по телу девушки; волоски на нем встали дыбом в порыве блаженного и пронзительного сладострастия. Боец вытянул левую руку, оперся о кровать, присел на краешек, поднял одеяло и, не переставая глядеть на нее с завораживающей улыбкой, бережно притронулся к Лените, после чего лег рядом, прижавшись к ней обольстительной наготой мужского тела.

Это было не холодное и твердое прикосновение бронзовой статуи, а теплое и мягкое касание живого человека. И от этого прикосновения у Лениды зародилось неясное чувство – опаска и вождление, боязнь и сладострастие одновременно. Ее пронзало желание, но было страшно.

Уста ее слились с устами бойца, его сильные руки обхватили ее, его мощная грудь прижалась к ее нежным грудям. Ленита задыхалась от сладостных содроганий, но наслаждение было неполным, ущербным, мучительным. Обнимая призрак из своих грез, она каталась по постели, словно разгоряченное хищное животное в пылу течки. Нервный тонус, возбуждение, оргазм ощущались во всем – во вздрагивании пухлых губ, в затвердевших, торчащих сосках.

Потом содрогания прошли, и она впала в забытие.

Глава IV

Ленита выздоравливала на глазах. Она рано вставала, выпивала стакан горячего молока, выходила на прогулку в поле, с аппетитом обедала, после обеда садилась за фортепьяно, играла бравурные, веселые, ритмичные мелодии. Потом шла в сад, ела фрукты, лазила по деревьям. Сразу после ужина ложилась и крепко засыпала.

Она стала больше следить за своей внешностью, подолгу гляделась в зеркало, наряжалась и убирала свои иссиня-черные волосы яркими цветами. Она стала сильно душиться: ее белье пахло малабарскими благовониями, сандалом и духами «Peau d'Espagne».

Она бегала, прыгала, подолгу ездил верхом, почти всегда галопом, погоняя лошадь хлыстиком или собственной шляпой, щеки у нее при этом раздумывались, глазами горели, волосы развевались на ветру.

Однажды тихим днем, после обеда, она взяла ружье «Галан», которое обычно брала с собой, пересекла пастбище и вошла под густую сень широколиственного девственного леса. В задумчивости и рассеянности она углубилась далеко в чащу.

Вдруг ее внимание привлекло послышавшееся слева нежное, монотонное журчание воды. Ею тотчас овладела жажда, безумно захотелось пить, и, свернув налево, она поспешила по узкой тропинке.

Ленита замерла в восхищении, увидев, сколь величественное зрелище открылось ее взору.

Перед ней предстала поляна, на краю которой высилась скальная стена из черного камня, увенчанная острыми зубцами и вся густо поросшая мхом; сверху с нее стекала струя воды, создавая в углублении посреди поляны тихое, глубокое, кристальное озерцо. Сбегая с плотины, воздвигнутой самой природой, вода наполняла поляну сладостными звуками.

В спокойном зеркале озерца отражалась окаймлявшая его буйная растительность. Гигантские перобы с темной кроной и морщинистой корой; вековые жекитибы, разбрызгивающие по небесной лазури радостную зелень своей листвы; белые смоковницы с мощными, разрастающимися вширь корнями и узловатыми сучьями, подобными изуродованным человеческим пальцам; каншины с заостренными листьями, из пор которых сочилось едкое, ядовитое молочко; стройные, высокие, гладкоствольные гуаратаны; светлые таювы; могучие, черно-зеленые, зловонные чесночные деревья; коварные гваяки, покрытые ядовитыми, отравленными колючками; тысячи лиан, тысячи вьющихся растений, тысячи разнообразнейших орхидей с лиловыми, желтыми, голубыми, пурпурными, белыми цветами – все это смешивалось в многокрасочную массу, в оргию зелени, в буйство ярчайших красок, утомлявшее воображение. Солнце, пронзавшее листву светоносными пучками лучей, разбрасывало по бурой почве зеленоватые отблески. С тихим жужжанием, похожим на нежный шепот, пролетали разноцветные насекомые. Затаившаяся в листве коричневого дерева бронзовка издавала прерывистое шипение.

Пьянящие испарения поднимались над землей, непостижимым образом сочетаясь с изысканным ароматом цветущих орхидей. Это была смесь тончайшего благоухания и терпкого запаха мясистых корней, навевающая дрему и успокаивающая нервы.

Жадными глотками впивала Ленита охмеляющий воздух, отдаваясь лесным чарам. Ею овладело жгучее, необоримое желание искупаться в этой прохладной воде, нарушить покой озерца.

Она оглянулась по сторонам в опасении, не может ли кто-нибудь подсмотреть за нею. «Глупости! – подумала она. – Полковник все время дома, управляющий и рабы трудятся на кофейной плантации, никто не выйдет за пределы фазенды. Да и кому придет в голову забираться в такую чащу? Я одна, совсем одна».

Она положила на землю ружье, рядом – широкополую соломенную шляпу, защищавшую от палящего солнца во время прогулок, и стала раздеваться. Сначала сняла жакетик и корсет, потом верхнюю и нижние юбки. Оставшись в сорочке, она склонила голову, чтобы подобрать волосы, и пока их укрощала, с удовольствием разглядывала через кружевной вырез упругие, налитые, атласные груди, на которых то здесь, то там просвечивали голубые жилки.

И она с наслаждением вдыхала вместе с ароматами леса свой собственный запах, аромат обнаженного тела молодой женщины.

Затем она села, поджав ноги, развязала шнурки высоких ботинок, сняла чулки и принялась любовно, неторопливо поглаживать маленькие ступни, на которых отпечаталась тонкая шотландская ткань. Поднявшись, она отодвинула нижние юбки, и со слегка дрогнувших плеч соскользнула сорочка. Батист лег двойным слоем, укрывая ноги Ленины.

Как она была прекрасна! Чуть смуглая, высокая, безукоризненно сложенная... Руки и ноги были у нее словно литые, запястья и лодыжки узкие, ладони и ступни аристократически изысканные, ногти на руках и на ногах розовые и необычайно гладкие. Ниже упругих, торчащих грудей тело сужалось, тонкая талия переходила в широкие бедра и твердый, округлый живот, низ которого резко оттенялся густым темным руном. Иссиня-черные волосы коротенькой челкой ниспадали на лоб и прихотливо завивались на затылке. Шея была сильная, идеальной длины, голова небольшая, глаза черные, живые, губы пунцовые, зубы белоснежные, на левой щеке темнела круглая родинка.

Ленина удовлетворенно осматривала себя. Собственная плоть сводила ее с ума. Налюбовавшись собой, она посмотрела на озерцо, потом на лес, словно стремясь создать целостную картину.

Она грациозно присела на корточки и оперлась правой ягодицей на приподнятую левую пятку, повторяя позу известной статуи, называемой Венера Ватиканская, или Венера Капитолийская. В таком положении она оставалась довольно долго. Потом вскочила, бросилась в воду, вынырнула и поплыла.

Озерцо было небольшим, но глубоким. Ленина плыла до противоположного берега – к стене с водопадом – и обратно. И так несколько раз. Проплывая под струей воды, она вскрикивала от восторга и от страха, когда тяжелый поток обрушивался на ее спину.

Поворачиваясь лицом вверх, она замирала на поверхности воды, вытянув ноги, обратив живот к небу, раскинув руки, слегка разбрызгивая ладонями воду. Потом переворачивалась и плыла опять – быстро, словно стрела.

Разлившийся по коже холодок предупредил ее, что пора выходить. Она вышла, поеживаясь и дрожа всем телом. Уселась на берегу, подставив всю себя солнцу, и принялась отжимать волосы. От ее тела исходил легкий пар, всю ее окутывала тонкая дымка.

Вскоре она обсохла от солнечного и своего собственного тепла. Одевшись, она распустила мокрые волосы, отбросила их на спину, надела шляпу, взяла ружье и бегом помчалась домой, напевая отрывок из «Корневильских колоколов».

– Господи, грехи наши тяжкие! – вскричал полковник, завидев ее – радостную, смеющуюся, с влажными волосами. – Никак эта глупышка в озерце искупалась! Там же лед, а не вода... Наверняка простыла, что ты будешь делать!

– Простыть не простыла, а вот аппетит нагуляла. Поужинаю нынче за четверых.

– Эй, малый, принеси-ка коньяку, да поживей.

– Коньяк пить будете, полковник?

– Нет, это ты будешь пить коньяк.

– Я его и не пробовала никогда.

– Вот теперь и попробуешь, иначе поссоримся.

Принесли отличный, старый коньяк 1848 года. Ленита выпила рюмочку и закашлялась. Глаза у нее заслезились. Коньяк показался ей слишком крепким, но понравился. Ей захотелось повторить.

Глава V

Наступал день, когда начинали варить сахар. Уже накануне негры сбились с ног – подметали сахароварню, мыли чаны и желоба, драили котлы и перегонный куб, не жалея ни песка, ни соли, ни лимонной кислоты.

Как только занялась заря, на близлежащей плантации показалась узкая блеклая полоска, постепенно расширявшаяся. Это началась рубка тростника. Легкие белые сорочки и синие юбки негрятенок, красные байковые рубахи негров играли яркими, живыми пятнами, колеблемые порывами жаркого ветра в океане светлой зелени.

В чисто прибранном, выметенном бараке сверкали четыре котла и перегонный куб, отражая свет, проникающий сквозь широкие оконные проемы. Мрачно темнели печи, разевая огромные прожорливые пасти. Вода, еще заключенная в резервуарах, капала сквозь створки шлюза на лопасти мельничного колеса, словно осколки хрустала. Жернова сверкали чистотой, оси и шестерни чернели блестящей смазкой. Длинные корыта и чан для охлаждения сахара раскрыли широкие глотки, выложенные бурой, тусклой, свежевывытой древесиной.

Вдали – сначала едва различимо, потом все усиливаясь – слышался резкий, непрерывный, монотонный, пронзительный скрип. Креолы, столпившиеся возле сахароварни, загалдели в возбуждении и радостно запрыгали.

Это подъезжали первые повозки, груженные сахарным тростником. С трудом влекомые неповоротливыми, но сильными длиннорогими волами, медленно, со стоном и скрежетом продвигались телеги, изнемогая под непомерной тяжестью длинного и толстого тростника, покрытого лиловыми прожилками.

Рослые, плечистые чернокожие погонщики, подпоясанные широкими ремнями из сыромятной кожи, подгоняли волов длинными стрекалами и покрикивали:

– Пошел, Лаваринту! Осади, Рамальете! Поворачивайся, Баррозу!

Телеги подъехали к мельницам. Ловкие негры запрыгнули на повозки и начали их разгружать. Через несколько мгновений тростник уже стоял в снопах, перехваченных посередине собственными листьями. В печи под котлами развели огонь, потом открыли шлюз – и вода бурно хлынула на мельничное колесо, которое тут же завертелось – сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Рассекая завязки снопов ловкими ударами тесака, негр-мельник бросил первую партию тростника меж вращающихся цилиндров. Послышался треск раздавливаемых волокон, извергнутые выжимки забрызгали белым темный чердак, где крутились жернова, сок потек по желобу зеленоватой струей. Описывая дугу, он сливался в большой, бурлящий, булькающий, пенящийся чан.

Негры-черпальщики, вооружившись шумовками на длинных рукоятках, заняли места возле котлов.

Сладкий сок, льющийся непрерывной струей, мгновенно наполнил котлы. Печь разгорелась, раскалилась, излучая потоки ласкового тепла по всему просторному помещению. Шустрые шумовки бросали в воздух белесые хлопья дымящейся патоки, которая снова падала в котлы, опять закипала и пузырилась. Повсюду разливался легкий аромат сахара, перебиваемый кое-где удушливым запахом человеческого тела, исходящим от вспотевших негров.

Производство сахара было по душе полковнику. Забыв о своем ревматизме, он целыми днями просиживал на высокой скамье, поставленной между двумя окнами, на почтительном расстоянии от котлов, и потягивал подслащенную водку. Он руководил работой, пробуя патоку из медной, до блеска надраенной песком кастрюльки, помешивая лопатой сахар в

холодильном чане, куда он стекал по особому желобу и застывал, покрываясь хрупкой золотистой корочкой.

Ленита не выходила из сахароварни; ей все хотелось узнать, она обо всем расспрашивала. Полковник подвергался самым настоящим допросам: в какие месяцы высаживают тростник? Через какое время его можно рубить? Когда и сколько раз производится прополка? Как его рубят? Как пользоваться секатором? По каким признакам определяют, что тростник созрел? Каковы стадии его созревания? Почему на земле, долго не бывшей под паром, тростник не такой сочный, зато сладкий? Как сажают рассаду?

Она вникала во все подробности, делала записи; узнала, что в Сан-Паулу десятина – это сто на пятьдесят сажений; что ее четвертая часть так и называется – четверть; что с четверти земли в урожайные годы можно снять от сорока до пятидесяти телег тростника; что на одной телеге уместится столько тростника, сколько хватит для получения пяти пудов сахара; что темным, нерафинированным сахаром торговать выгоднее, чем рафинированным, белым; что отходы от рафинирования можно смешивать с коровьим навозом.

Ленита поднималась туда, где хранились формы, и пересчитывала их попарно; подсчитывала дневную выработку сахара, а также водки, патоки, пены и отходов; определяла вместимость ящиков, чанов, бочек; прикидывала цены; сравнивала нынешние цены с теми, что держались на протяжении последних десяти лет; обобщала, делала прогнозы и пришла к выводу, что в обозримом будущем доходы будут приличными даже в случае отмены рабства.

Полковник налюбоваться на нее не мог. Однажды он сказал:

– Вот бы мне такую жену, как ты! Я и так, положим, не беден, но с такой помощницей, как ты, золотые горы бы нажил! Будь у меня хоть сын или внук твоих лет, и выйди ты за него замуж...

– Так у вас же есть сын в Паранапанеме, – заметила Ленита.

– Есть-то есть, да ведь он чудак неисправимый. И всегда таким был. Засядет, бывало, за книжки да месяцами носа не кажет. А то вдруг найдет на него блажь – едет на охоту, и хоть трава ему не расти.

– Вы вроде говорили, он женат.

– Неудачно.

– А жена где?

– У себя на родине, во Франции.

– Француженка, что ли?

– То-то и оно. Он сдуру женился на ней в Париже. Через год они друг друга уже на дух не переносили. Вот и разъехались.

– Я и не знала, что он бывал в Европе.

– Он там лет десять проторчал. Как вернулся – по-португальски двух слов связать не мог.

– И в каких же странах он побывал?

– Где только не был: в Италии, в Австрии, в Германии, во Франции. Довольно долго прожил в Англии – учился там у какого-то проходимца, который утверждает, что мы, мол, те же обезьяны.

– У Дарвина, что ли?

– У него самого.

– Значит, сын у вас – очень образованный человек.

– Да, он знает несколько языков и занимался разными науками. Даже в медицине смыслит.

– С ним, должно быть, приятно общаться.

– Иногда приятно, а иной раз он такое отчебучит, что чертям тошно станет! У него порой случается... как его... по-английски... мудреное такое словечко.

– Blue devils? ³

– Да вроде. А ты по-английски тоже, стало быть, кумекаешь?

– Говорю, и довольно сносно.

– Это хорошо. Вот приедет Мандука, так можно будет вам по-ихнему поболтать, коли делать нечего будет.

– С удовольствием воспользуюсь случаем, чтобы поупражняться в языке.

С тех пор Ленига непрестанно думала, даже помимо воли, об этом чудаковатом человеке, который провел долгое время среди красот Старого Света, слушал корифеев науки, наблюдал вблизи возвышенные проявления человеческого духа, женился по любви на женщине, равных которой наверняка нет на белом свете, на парижанке, но, разочаровавшись во всем и снедаемый скукой, уединился на отдаленной фазенде и, мало того, ездит в дикий сертан охотиться на свирепых зверей бок о бок с неотесанными туземцами.

Она знала, что ему было слегка за сорок, – ее отцу, когда он умер, было чуть больше. Она воображала, что он – мужчина в самом расцвете сил – уже не молод, но еще и не стар; наделяла его мощными, атлетическими формами, как у Аполлона Бельведерского; полагала, что глаза у него черные, глубокие, властные, неотразимые. Ей не терпелось получить известие, что он возвращается с охоты домой, да еще с богатой добычей. На душе у нее становилось все радостнее. Тоска по отцу была уже не мучительной тоской, а лишь меланхолической грустью.

Она с удовольствием пила сироп, но еще больше любила сосать сахарный тростник. Ведь у тростинки, очищенной перочинным ножиком и размолотой зубами – особая свежесть и сладость, каких нет у молотого на мельнице тростника. Она обожала самодельные тянучки. Когда патока начинала остывать и густеть, покрываться золотистой пенкой, Ленига проводила указательным пальцем по ее теплой поверхности, стараясь зачерпнуть как можно больше и, причмокивая, жмурясь, с удовольствием сосала.

Однажды негр, в обязанности которого входило вывозить на тележке выжимки и у которого на левой ноге были тяжкие железные оковы, обратился к ней:

– Сеньора, посмотрите на мою левую ногу – сплошная рана. Такое тяжелое железо! Поговорите с сеньором – пусть велит снять.

И он показал натертую, кровоточащую, зловонную щиколотку, кое-как перевязанную грязными тряпками.

– За что это тебя так?

– Черт попутал, сеньора: сбежал я.

– С тобой что, плохо обращались?

– Да нет, сеньора. Негр есть негр – иногда теряет голову.

– Обещай мне больше не убегать – тогда попрошу полковника снять с тебя кандалы.

– Обещаю, сеньора! Честное слово, Бог свидетель! Дай вам Господь по молитвам святого Бенедикта такого же красивого мужа, как вы сами.

И он разразился глуповатым смехом.

Ленига, которой пришлось по душе и комплимент, и доброе пожелание, улыбнулась.

К вечеру она сказала полковнику, что так поступать нельзя, что это варварство, что это стыдно, что этому и названия-то нет, что кандалы надо немедленно снять.

– Эх, дочка! Ничего-то ты не понимаешь. Какое там к черту варварство! Ничего страшного тут нет. Эта филантропия, все эти нынешние иеремиады об отмене рабства, о равенстве и черт его знает о чем еще – все это выдумки и чушь. Учи ученого! Негра нужно драть как сидорову козу, а не только одевать и кормить. Он же работать не станет, если не увидит над собой надсмотрщика с хлыстом. Я ведь так говорю и делаю не со злобы – наоборот, меня

³ «Blue devils» иносказательно можно перевести как «тоска зеленая».

считают добрым. Я – как пахарь, который знает, как обращаться с волами. Ладно – раз уж ты просишь, я велю его расковать. Только он опять удерет: сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

Варка сахара продолжалась, плантация пустела: живая ясная зелень, исчезая, открывала бурю, грязную, безрадостную почву. Ветер ворошил опавшие сухие, мертвые листья, которые неприятно, раздражающе шуршали – как будто железом водили по стеклу. Гора выжимок росла, увеличивалась в объеме. На фоне светлой зелени темными пятнами выделялись силуэты свиней, коров и вьючного скота, который целый день без устали жевал свою жвачку. Иногда разгоралась ссора: слышалось оголтелое хрюканье, хриплое мычание, дикий рев. Укус исподтишка, коварный удар рогами или копытом – вот что приносило победу сильнейшему.

Легкий аромат закипающего сиропа в начале варки сменился сильным, дурманящим запахом готового сахара – запахом, который можно было почувствовать за четверть лиги.

Глава VI

Варка сахара закончилась. Весна вступала в свои права. Тропическая флора молодела в ежегодном обновлении: смело распускались бутоны, почки, свежела крона: здесь – светло-зеленая, пастельная, нежная, бархатистая; там – блестящая, как стекло, цвета ржавчины; а еще дальше – алая. Потом все это разрастется, распространится и смешается с яркой, живой, буйной зеленью.

Природа сменила наряд и вошла в пору любви. Все вокруг расцвело, приобретая пышные очертания, обилие оттенков. Повсюду разносились дивные ароматы. Над темными кофейными плантациями простирался нежный, пленительно белый покров из венчиков. В лесу каждое дерево, каждый куст, каждая травинка наливались необычайной силой. Изобильно растущие цветы прижимались друг к другу, переплетаясь стеблями. Объятые любовным сладострастием, они раскрывали свои отяжелевшие бутоны, выдувая облачка плодотворной пыльцы.

Сладострастие флоры передавалось и фауне. Кругом слышались любовные трели и посвистывание, взрыкивание и подвывание. Это были рулады инамбу, писк дрозда, вопли тукана, карканье жаку, звонкий голос арапонги, скрипение серелепа, рев оленя, похожее на человеческий плач мяуканье лесных кошек. Эту бурю звуков, этот катаклизм похотливых стонов перекрывало тьяканье дикой собаки и неистовый, пронзительный клекот сокола, теряющийся в запредельности.

Возбужденно, сталкиваясь и ударяясь друг о друга, трепетали листья. Блестящие насекомые, зеленые, словно изумруды, алые, точно рубины, жужжали, летали и вцеплялись друг в друга. Птицы, порхая с ветки на ветку, ероша перья, стремились одна к другой, щипались и клевались. Четвероногие катались по земле, гонялись друг за другом, изгибая спину, и шерсть у них стояла дыбом. Змеи нежно шипели, сплетаясь по парам в первобытном влечении. Земля испускала жаркие, терпкие, острые испарения, припекаемая солнечным светом, просеянным через листву. В каждой темной норе, в каждой пещере, на земле, на каждой травинке, на древесных ветвях, в воде, в воздухе – повсюду – мордочки, клювы, усики, лапы, крылья вождели друг друга, соединялись в любовной страсти и в содроганиях, бессознательно стремясь произвести потомство.

Воздух был пропитан чувственными желаниями, повсюду витали флюиды знойного вождения. Все ароматы заглушал острый запах семени и возбуждающее, будоражащее благоухание соития.

Ленитой овладела истома. Она углублялась в лес и, отыскав сухую, тенистую полянку, растягивалась на мягком ковре густо покрывающей землю палой листвы, где предавалась сладостному томлению, коим было переполнено все вокруг.

Вернувшись домой, она устраивалась в гамаке, закинув ногу на ногу, слегка зажмурившись, – и в таком блаженном безделье проводила целые часы.

Непрестанно, непрерывно, помимо воли думала она о чудаковатом охотнике из Паранапанемы, поминутно видела его подле себя – сильного, атлетически сложенного, как ей грезилось, – и вела с ним беседы.

В ней пробудилась жестокость – она щипала креолок, тыкала иголкой или перочинным ножиком в животных, попадавших ей на пути. Как-то раз одна собака не выдержала и укусила ее. А был еще случай, когда Ленита поймала канарейку, залетевшую к ней в комнату, оторвала ей лапки, сломала крылышко, а потом выпустила, от души потешаясь, как изуродованная пташка силится взлететь, взмахивая одним крылом и волоча другое, оставляя кровавые следы на дворе, мощеном камнем.

Раб, которого она избавила от кандалов, действительно сбежал, как и предсказывал полковник. Его изловили, и два метиса привели его, крепко связав ему руки веревкой. Делать нечего, сказал полковник, на этот раз негру надо всыпать по первое число еще и за то, что он злоупотребил доверчивостью Ленины. Надо снова заковать его в кандалы и больше не снимать ни под каким видом.

Хорошо все обдумав, Ленины решила не вмешиваться. Ее разбирало жгучее любопытство увидеть, как производится порка, увидеть воочию это легендарное, унижительное, жестокое и в то же время любопытное наказание. Она от души радовалась единственному, может быть, представившемуся ей случаю, с необъяснимым, порочным наслаждением предвкушала вид корчащегося от боли, жалобно кричащего несчастного негра, который совсем еще недавно пробуждал в ней сострадание. С осторожностью, стремясь ничем не выдать себя и не касаясь сути дела, Ленины выведала у полковника, что наказание должно состояться в арестантской на рассвете следующего дня.

Ночь она провела тревожно, ежечасно пробуждаясь от страха, что крепкий предутренний сон не позволит ей увидеть столь вожаделенное зрелище.

Встала она рано, еще затемно, вышла, пересекла двор и так, чтобы никто не видел, проскользнула в сад.

С восточной стороны сад был огорожен бараками для негров-рабов с высокими, примыкавшими друг к другу, сильно потрескавшимися глинобитными стенами. Один из баранков был вдвое вместительнее остальных. Это и была арестантская.

Приблизившись, Ленины прислонилась к стене и, достав из-за пазухи ножницы, принялась выковыривать дырку на уровне глаз между двумя поперечными балками и двумя рейками, в самом подходящем месте, где уже едва держался потрескавшийся глиняный ком.

Ножницы были маленькие, но крепкие, из отличной стали, фирмы Роджерс. Дело кипело – Ленины работала с жаром, но вместе с тем терпеливо и ловко. Сталь пронзала и перемалывала рассыпчатую глину почти бесшумно. Струйка желтой пыли запачкала девушке черное платье. Наконец глиняный ком подался и упал вовнутрь, глухо ударившись о мягкую, почти не утопанную землю. Дырка была готова.

Ленины отпрянула и застыла, затаив дыхание. Через несколько мгновений она вытянула шею и заглянула в дырку. Внутри было темно и ничего не видно. Слышались лишь какие-то неясные отзвуки.

Время шло. Звезды померкли. Сноп белого света показался на потолке, потом сделался алым с золотыми отблесками. Воздух стал тоньше и прозрачнее, а хор птиц затянул нестройный, но веселый, праздничный, титанический гимн нарождающемуся дню. На фазенде послышался мелодичный колокольный звон.

Ленины снова принялась подсматривать. В арестантской все уже стало видно.

В углу высился крепко сбитый деревянный помост, натертый до блеска грязными человеческими телами. Доска в нижней части помоста была распиlena вдоль, и обе части накладывались друг на друга: одна крепилась дверной петлей, другая – амбарным замком. В верхней и нижней части распиленной доски были вытесаны полукруглые отверстия, которые при наложении образовывали правильные круги сантиметров десять в диаметре. Это были колодки.

На помосте, с ногами в колодках, укрытый старым, грязным, изодраным бурым одеялом, спал на спине беглый раб.

От колокольного звона он проснулся. Схватившись обеими руками за колено, он сел, потянулся всем своим затекшим телом и снова лег.

Дверь отворилась, и вошел управляющий в сопровождении двух метисов, которые поймали беглеца.

– Ну, парень! – крикнул метис. – Сейчас будет тебе и кофе, и шоколад, и все, что угодно. Всыплю тебе как следует. Полсотни горячих тебе положено, чтобы бегать неповадно было. Ты что, не знаешь, что от этого убыток хозяину? Сейчас я тебя этой плеточкой всего разукрашу!

И он свирепо потряс плетью – этим мерзким, гнусным, отвратительным орудием, зато простым и в обращении и в изготовлении, когда берется полоска сыромятной кожи пяди в три длиной и в два пальца шириной, разрезается вдоль, но не до конца ни с одной, ни с другой стороны. Замачивается в воде, затем отжимается и прибивается гвоздями для просушки. Когда кожа как следует затвердеет, она с одной стороны крепится к рукоятке, а с другой стороны надрезается перочинным ножиком, чтобы получилось два хвоста. Вот и все.

Управляющий разомкнул колодки, и несчастный негр поднялся, дрожа всем телом. Лицо его перекошилось от страха. Он рухнул на колени, воздел руки к небу и сложил узловатые пальцы в умоляющем жесте.

Это была крайняя степень падения человека, когда им овладевает чисто животный страх. Он внушал одновременно и сострадание, и отвращение.

– Ради Бога, клянусь святым Бенедиктом, больше не убегу!

И он разрыдался от отчаяния.

– Не шуми, парень, – отозвался управляющий. – Хозяин велел – значит, так нужно.

– Позовите хозяина!

– Хозяин спит, нельзя его беспокоить. Покончим с этим. Спускай штаны и ложись.

– Пресвятая Богородица, спаси меня!

– Богородицу призываешь, а сам удрать хотел! – нетерпеливо крикнул метис. – Давай, давай – скорее покончим с этим.

Несчастный оглядывался по сторонам, словно ища лазейку. Но укрыться было негде, и он смирился. Дрожащими руками он медленно расстегнул грязные штаны, упавшие к его щиколоткам и обнажившие тощие ягодички, и без того уже густо испещренные рубцами. Метис встал слева, чуть поодаль, слегка наклонился, отставил назад левую ногу, взмахнул плетью справа налево – быстро, сильно, но не напрягаясь, умело, искусно, элегантно, как профессионал, обожающий свое дело.

Два жестких, крепких, звучных ремня со свистом впились заостренными концами в кожу беглеца. Две белесых полоски с неровными краями образовались на лиловой коже правой ягодички.

Негр испустил ужасный вопль.

Плеть мерно вздымалась и со свистом опускалась, облизывая и рассекая голое тело. Появились первые капли крови, словно жидкие рубины, потом они слились в ручейки и потекли на пол.

Негр извивался точно уж на сковородке, впивался ногтями в земляной пол, мотал головой, кричал и выл.

– Раз! Два! Три! Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать! Двадцать пять!

На минуту палач остановился, но не для того, чтобы отдохнуть – он ничуть не устал, – а для того, чтобы продлить удовольствие. Так завзятый чревоугодник не спешит употребить изысканное лакомство.

Он перешагнул через негра, встал в другую позу и принялся махать плетью в противоположном направлении, нанося удары по другой ягодичке.

– Раз! Два! Три! Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать! Двадцать пять!

Вопли негра стали хриплыми и сдавленными. Его курчавые волосы были перепачканы землей, которая от пота превратилась в липкую массу.

Метис положил плеть на помост с колодками и произнес:

– А теперь польем рассольчиком, чтобы покрепче запомнил.

И, взяв из рук управляющего заранее припасенный тыквенный сосуд, он вылил содержимое на истерзанную плоть.

Негр выгнул спину, словно кот. Из его глотки вырвался сдавленный рев, в котором уже не угадывалось ничего человеческого, и он потерял сознание.

Лениту всю трясло от наслаждения. Она побледнела, глаза метали молнии. Ее била лихорадка. Жестокая, ледяная улыбка кривила ей рот, обнажая ослепительно белые зубы и розовые десны.

Свист плети, корчи и крики истязуемого, струйки крови опьяняли ее, сводили с ума, доводили до неистовства. Она нервно ломала руки и притопывала ногами. Словно весталке на гладиаторских играх, ей хотелось повелевать жизнью и смертью; хотелось продолжать истязание, покуда жертва не лишится жизни; хотелось дать знак большим пальцем – *pollice verso*⁴, – чтобы поверженного доби́ли.

Она вся дрожала от неведомых прежде ощущений, от болезненного сладострастия. Вот рту она чувствовала привкус крови.

⁴ *Pollice verso!* (лат.) – добей его!

Глава VII

Вот уже почти неделю безостановочно лил дождь. Кроны воспрянувших, налитых живительным соком, чисто вымытых лесов отяжелели от воды. Густой ковер палой листвы, покрывавший почву в лесах, намок и, разбухая, постепенно превращался в перегной. Обнаженная земля на дорогах, раскисшая, зеленоватая на откосах и на обочинах, пропаханная тележными колесами, измятая, разрыхленная копытами вьючных животных, где-то вздыбливалась, словно взбитая грязевая перина, а где-то скрывалась под лужами мутной от глины воды – кое-где желтой, а в иных местах кроваво-красной. Со склонов стремительно неслись бурлящие ручьи, разлиновывая поверхность земли как тетрадный лист; широко разливаясь, они омывали и освежали корни злаков на целинной земле. Поля превратились в болота, болота – в озера.

В саду ветви апельсиновых деревьев поникли под тяжестью влаги; кешью, сливы, манговые и персиковые деревья наливались жизненным соком, а листья на них ярко блестели. Темное небо низко нависло над землей. Разлившийся ручей бурлил и журчал.

Ленита печально сидела в гамаке, по-китайски скрестив ноги и зябко кутаясь в шаль. Большую часть суток она проводила за чтением. Казалось, ей ни до чего не было дела.

Иногда она задумывалась о душевных и телесных переменах, произошедших с ней на фазенде, где не нашлось девушки ее возраста и ее уровня, которая могла бы ее выслушать, понять, дать совет и хоть немного успокоить ее расстроенные нервы. Она пыталась анализировать истерический срыв, эротические фантазии и вспышку жестокости. Размышляла о своем иссушающем душу унынии, соседствующем с необъяснимыми желаниями. Ей самой было удивительно, отчего она так часто помимо воли думает о полковничьем сыне – мужчине уже зрелом, женатом, которого она к тому же никогда не видела; она чувствовала, что у нее начинает учащенно биться сердце, когда в ее присутствии говорили о нем. И делала вывод, что ее подтачивает какой-то неисцелимый недуг.

Потом она переменила мнение: это была не болезнь, не патология, а просто физиология. Ее, точно острый шип, язвил зов пола, голос плоти, требовавший, чтобы она заплатила дань любви, объявляющий о ее плодородии и о возможности увековечить себя в потомстве.

И она вспомнила о нимфомании, о донжуанстве, обо всех этих мерзостях, которыми природа наказывает самцов и самок, нарушающих ее законы, сохраняя непосильную девственность; вспоминала о священном ужасе, который наводила на греков и римлян Венера кара. Словно в тумане, пронеслись перед ее мысленным взором греческие менады, римские весталки, восточные одалиски, христианские монахини – бледные, бьющиеся в судорогах, с искусанными в кровь губами, с горящими глазами, извивающиеся в страстях в лесу или на одиноком ложе, обезумевшие, озверелые, истерзанные шипами вожделения.

Ощутимо, как живые, перед нею представляли похотливые Пасифая и Федра; Юлия, Мессалина, Теодора и Империя; Лукреция Борджа и российская императрица Екатерина II.

Однажды в комнату к Лените вбежал полковник.

– Хорошая новость! Приезжает мой мальчик... Что я говорю, он уже давно не мальчик... Возвращается с охоты из Паранапанемы.

– Ваш сын?

– Он самый. Я уже успел по нему соскучиться.

– Что же он не предупредил? Мы бы послали ему навстречу экипаж.

– А разве я не говорил, что он чужак? Невтерпез, видите ли, ему! Настрелял дичи в Риу-Клару и домой заторопился.

– А как вы об этом узнали?

– Приехал оттуда один метис. Только что заходил сюда.

– Вымок, небось, ваш сын – льет ведь, как из ведра.

– Да ему все нипочем – не привыкать.

– В котором часу он приедет?

– Тут шесть лиг пути. Наверняка он выехал после завтрака, часов в десять. Дорогу всю размыло, так что ехать ему часов шесть, а то и все семь. Ты будешь ужинать в обычное время или подождем его?

– Да подождем, конечно!

Полковник удалился.

Ленита проворно спрыгнула с гамака, побежала в спальню, тщательно причесалась, подняла волосы и заколола на макушке, оставляя затылок открытым. Затянувшись в корсет, она облачилась в мериносовое платье с высоким воротом – очень скромное, но элегантное. Надела ониковые серьги, брошь, браслеты, обула туфельки с белыми подковками в стиле Людовика XV, низкий подъем которых открывал черный шелковый чулок. На левой стороне груди она приколола две пышные, душистые белые розы.

– Ну и ну! Какая у нас красавица сеньора дона Ленита! – воскликнул полковник, в восхищении глядя на нее. – Парню моему это, правда, как мертвому припарки. Только он сам виноват – ничего не поделаешь.

Ленита слегка покраснела и засмеялась.

– Ну-ка, пойдем в дом – пускай и старуха моя на тебя полюбуется. Правда, ты такая красавица, что хоть самому святому Антонию голову вскружишь! Как тебе к лицу это закрытое черное платье! Да, ничего не скажешь!

Вечерело. Дождь все не утихал. Повсюду в рывинах скапливалась вода, стекая ручьями со всех склонов.

На вершине пограничного холма, пересеченного дорогой, показались двое верховых и выючный осел. Медленно, то и дело скользя по грязному, раскисшему склону, стали они спускаться в направлении фазенды. Распыленные в воздухе водные брызги делали неясными их очертания, окутывая серой дымкой, которую рассекали наискось дождевые струи. Но полковник разглядел их сквозь запотевшие окна.

– Мандука едет! – воскликнул он. – Бедняга! Мокрый, как курица!

Ленита прекратила раскачиваться в кресле-качалке, отложила газету «Вестник Европы», которую до этого читала, уронила руки на бедра, откинулась головой на спинку, побледнела и замерла, как будто лишилась чувств. Кровь отхлынула у нее от забившегося сердца.

Путники прибыли. Послышался нервный звон трензелей, потом тяжелая поступь размокших, грязных сапог и звяканье шпор на мощеной площадке у крыльца.

Прихрамывая, полковник бросился навстречу сыну.

– Черт знает, что за погода! – пробурчал тот, входя в переднюю, очищая сапоги о порог, стаскивая резиновый плащ и водружая его на вешалку. – Ну, здравствуй, отец! Ты вроде в порядке, как я погляжу. Мать – тоже, так ведь?

– Всё как обычно. А ты? Здоров ли? Как поохотился?

– Поохотился великолепно, доложу я тебе. Здоровье железное, только вот эта чертова мигрень... Которая мне и теперь покою не дает. Схожу поздороваюсь с матерью да пойду к себе в комнату – она, надеюсь, готова. Вели, чтобы Амансиу принес мне чайник кипятку и немного горчицы – ноги себе попарю.

– Ты же наверняка не ужинал. Да и обедал ли? Съешь чего-нибудь – тебе и полегчает.

– Какое там! У меня же голова раскалывается.

– Жаль! А мы с Ленистой ждали тебя к ужину...

– С Ленистой? Кто такая Лениста?

– Внучка моего старинного друга Куньи Матозу, дочь моего ученика, доктора Лопеса Матозу, который умер вскоре после твоего отъезда в Паранапанему. Я тебе писал об этом. Ты что, не получил письма?

– Получил. Лопеса Матозу я хорошо помню. Так значит, его дочь здесь?

– Здесь, бедняжка. Невмоготу ей оставаться в городе, сильно горюет она по отцу. Поди сюда, Ленита, познакомься с моим сыном. Его зовут Мануэл Барбоза.

Ленита вышла из гостиной, подошла к прибывшему и приветствовала его кивком головы.

Тот снял намокшую шляпу и тоже приветствовал ее.

– К вашим услугам, досточтимая сеньора. Извините, что не подаю вам руки: я с головы до ног перепачкался глиной.

Мануэл Барбоза оказался довольно высоким, худошавым мужчиной. Мокрая одежда прилипла к его телу, обрисовывая угловатые очертания. С его длинных, грязных, ниспадающих на лоб и закрывающих уши волос стекала вода. Всклоченная борода с проседью придавала ему диковатый, почти свирепый вид. Из-за мигрени его смугловатое лицо было бледным и землистым. Он часто моргал – свет явно резал ему глаза. Его набрякшие веки дрожали, а от уголков глаз разбегались «гусиные лапки».

Ленита, до крайности разочарованная, разглядывала его со скорбным любопытством.

– Сеньора, – продолжал приезжий, – очень сожалею, что вы изволили ожидать меня к ужину, но злополучная мигрень лишает меня возможности насладиться вашим обществом. Позвольте мне удалиться.

И он тяжелой поступью отправился в свою комнату, звеня шпорами и оставляя на паркете мокрые следы грязных сапог. Полковник последовал за ним.

Ленита ушла к себе в спальню, со стуком затворила окна и раздраженно сказала зашедшему к ней позже полковнику, что ужинать не станет, как тот ни уговаривал ее отведать хоть крылышко цыпленка, ломтик ветчины или, на худой конец, какой-нибудь десерт.

Ожесточенно сорвав с платья две красивые розы, она швырнула их на пол, растоптала и начала быстро раздеваться, в неистовстве отрывая пуговицы и крючки.

Резким движением скинув туфельки, отлетевшие в другой конец комнаты, она бросилась на кровать, свернувшись калачиком и, кусая руки, разразилась судорожными рыданиями.

Плакала она долго. Нервная разрядка принесла ей облегчение. Успокоившись и утешившись, она углубилась в размышления.

Создать идеал, думала она, пестовать его, как мать пестует дитя, нянчить, одевать во все самое лучшее – а действительность вдруг оказывается уничтожающе грубой, прозаической, зверски скучной! Измыслить охотника, словно сошедшего со страниц Купера, или подобного Нимроду сильного зверолова пред Господом⁵, мускулистого, словно античный герой, атлета – и оказаться лицом к лицу с неказистым, грязным, пожилым, лохматым, седобородым субъектом, похожим на погонщика и не слишком-то любезно обошедшимся с ней! В довершении всего она готова была поклясться, что от него жутко разило спиртным.

Но, в конце концов, что ей за дело до этого человека, с которым она ни разу не беседовала, никогда прежде не видела и вообще недавно узнала о его существовании? И не она ли не так давно отказывала целой туче назойливых искателей ее руки? Так может быть, оно и к лучшему, что все так вышло? У нее нет ни родителей, ни братьев, ни сестер. Она сама себе госпожа, ни от кого не зависит, богатая, красивая, умная, образованная. Ей достаточно показаться в городе, а еще лучше – в Сан-Паулу, в светском обществе, появляться на зва-

⁵ Нимрод – имя ветхозаветного персонажа, искусного зверолова, которого некоторые исследователи отождествляют с древнегреческим Орионом. Выделенный курсивом текст – цитата из книги Бытия, X, 9.

ных вечерах, позволять любоваться собою, чтобы владычествовать, чтобы принимать знаки поклонения, чтобы упиваться фимиамом лести. Не на фазенде же ей оставаться!

Если такова уж физиология, ее снедающая потребность в мужчине, то отчего бы ей не выбрать среди тысячи претендентов сильного, энергичного, властного, способного удовлетворить и насытить ее? А если не хватит одного, то отчего не пренебречь смехотворными предрассудками и не завести десять, двадцать, сто любовников, чтобы они утолили ее вождление и удовлетворили органическую потребность? Что ей за дело до общества с его глупыми моральными предписаниями?

Ох уж это землистое лицо Мануэла Барбозы, его бегающие глаза, нестриженные волосы, мерзкая борода, мокрая одежда! А как разило от него спиртным!

Она не могла его простить, ненавидела его. Ей хотелось надавать ему пощечин, плюнуть в лицо.

Но это было бы безрассудством. Без конца она повторяла себе, что такое ничтожество, такое заурядное существо не стоит не только ненависти, но даже и того, чтобы о нем вообще думали.

Надо вернуться в город... А оттуда – в Сан-Паулу, остаться там навсегда, купить большой участок в аристократическом квартале – например, в Санта-Эфижениа, или в Ша, или на улице Руа-Алегри, – построить пышный, роскошный, элегантный особняк на восточный манер, который превзойдет и посрамит все эти уродливые, безвкусные кирпичные бараки, сооруженные на деревенский лад. Строительство возглавит Рамус Азеведу, а оформителями станут Аурелиу ди Фигейреду и Алмейда Жуниор. Лениита обставит особняк полированной мебелью из черного дерева, украшенной изящной резьбой. На парижских ventes⁶ она, с помощью надежных агентов, приобретет письменные столы и ломберные столики от Буля.

У нее будут кордовская тисненная кожа, персидские ковры и гобелены, японские фукузы. На консолях, на полочках, на этажерках, в витринах, в резных шкафах черного дерева – повсюду она щедро расставит фарфор – белый и кремовый китайский, расписанный радостными, живыми красками, алый и золотистый из Японии, чудесный, вызывающий, роскошный, восхитительный; работы из сацумского песчаника, арабские по стилю, но почти европейские по верности рисунка. Она будет коллекционировать вазы и тарелки из севрского фарфора, расписанные Буше, Арманом, Шаво-отцом и обоими Сиу; с ними будет соседствовать фарфор Берлинской королевской и Венской императорской фабрик – те берлинской лазури, эти цвета меди; а рядом будут саксонские фарфоровые фигурки – тонкой, идеальной работы. Взор ее будет находить отдохновение на маслянистой патине японской бронзы, на реалистичных, человечных формах греческих статуй, с математической точностью отлитых в бронзе Кола и Барбедьеном. У нее будут мраморные изваяния Фальконе, терракотовые Клодиона, старинные миниатюрные резные нэцкэ. Смотреться она станет в венецианские зеркала, а духи хранить во флаконах из граненого богемского хрусталя. Шкатулки она наполнит старинными драгоценностями, хризолитами и бриллиантами, оправленными в серебро, золотыми ковчежцами из Порту.

⁶ Распродажа; аукцион (франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.